

Реджинальд Маркхэм беспечно возвращался после первого своего преподавательского дня в женской школе Святой Хильды. В нем училась такая стайка бесподобных юных девушек, что несколько раз предательски-непроизвольно его чресла начинали греховно пробуждаться, а движения ягодиц в седле лишь еще больше распалили шальные мысли в его голове, как бы он не старался их подавить. Несмотря на свои тридцать пять полных лет, он с юношеским задором завел лошадь в загон и долго ждал, пока не утихнет покалывание в его, внезапно ставшим твердым и толстым, мужском инструменте.

Когда он вошел в дом, к нему подбежала Мэри, на ходу изобразив то, что посчитала реверансом, приличествующим данному случаю и ее должному положению в жизни. Это движение, как обычно, заставило ее чепец сдвинуться набок, а упругие молодые грудки колыхнуться под платьем тем же образом, который не ускользнул накануне от испытующего взгляда викария.

— Госпожа наверху, сэр! Как сказал священник, она отдыхает в состоянии умиротворения, — выпалила Мэри на одном дыхании, очень загордившись тем, что она запомнила эту фразу, хотя и не поняв ее значения.

— В чем? — в шутку переспросил Реджи, но заметив серьезное выражение лица девушки, спохватился и добавил: — Конечно, Мэри. Я поднимусь наверх и сообщу ей о то, что я уже дома. А тем временем всем нам будет полезно выпить чаю, не так ли?

— Конечно, сэр! — с энтузиазмом откликнулась Мэри, обнаружив, что она явно входит во это множественное число. Не прошло и двадцати минут с тех пор, как ушел викарий, и хозяин должен был встретить его на дороге, подумала она, но ее тут же посетила другая мысль, что преподобный джентльмен мог направиться и в другую сторону.

Реджинальд всегда ходил тихо (в юности ему часто выговаривали за то, что он невольно «подкрадывается» к людям), поэтому Ванесса не услышала, как он поднялся, пребывая в этот момент не столько в состоянии «благодати», сколько в состоянии ошарашенной горячности. Сбросив с себя панталоны, она после избавилась и от платья, оставив его точно так же на полу, а после этого забралась под одеяло, стараясь изгнать из памяти те возмутительные события, которые здесь только что произошли. Однако несмотря на все попытки забыться, ее мысли постоянно возвращались в тому, как ее лизал, ласкал и шлепал этот святоша. Наконец, убедив саму себя в том, что она сама не знает, что творит, она закрыла глаза, вцепилась во вторую подушку под простыней и крепко прижала ее к своей киске, где мягкая и гладкая ткань предоставила ей явственное, если не возбуждающее, утешение.

Лишь когда дверь спальни открылась, Ванесса, казалось, очнулась, полностью придя в себя, и заставила себя сесть, но потом, спохватившись, вспомнила, что она раздета, быстро юркнула под одеяло и посмотрела поверх него на брата, который с удивлением оглядывал ее раскрасневшееся лицо и взъерошенные волосы.

— Дорогая моя, с тобой все в порядке? — спросил он.

— П... при... приходил священник, — запинаясь, пробормотала Ванесса, как будто это было достаточным оправданием ее состояния. — Я имею в виду, что он пришел, а потом я прилегла, и тогда... О Реджи! Я чувствую себя так странно! — воскликнула она, и начала заливаться потоком слез, который привел его в такое замешательство, что он немедленно сел рядом с ней на кровать и провел рукой по ее влажному лбу.

— Что же тебя беспокоит?

— Я не знаю, честное слово, не знаю и... О, прости меня, — бормотала Ванесса, тогда как его блуждающий взгляд упал на ее панталоны и скомканное платье, лежавшие на полу.

Сейчас, когда Реджи взглянул на ее одежду, настал черед покраснеть и ему, потому что при падении панталоны случайно раскрылись, оборки обеих половинок оказались раздвинутыми и между ними отчетливо виднелось влажное пятно.

— О! — с каким-то бульканьем в голосе выдавил он, ибо надо сказать, что, будучи мужчиной, он частенько слышал таинственные и довольно приятные звуки, издаваемые его чувственной сестрой, когда она раздевалась у себя в комнате. Время от времени он невольно представлял себе ее одетой только в поясной корсет или только чулки и даже фантазировал — с огромным чувством вины, находившим на него, — как она снимает эту самую одежду, на которой только что остановился его взгляд.

— Может, послать за доктором? — заботливо спросил он, и от его случайного движения одеяло соскользнуло вниз, приоткрыв на мгновение его, мгновенно заострившемуся, взору сливочные тыковки груди сестры, на которых дерзко и, как ему показалось, почти умоляюще, торчали заострившиеся коричневые соски.

— О нет, нет, ничего подобного не нужно! Со мной все будет в порядке... — ответила Ванесса, — Завтра, — торопливо добавила она и тут же вспомнила о прощальных словах священника, и от этих мыслей не только не прикрыла свои пышные груди, но и совсем забыла о таузе, который лежал рядом с ней и на который в следующий момент легла рука Реджи.

— Что это? — спросил он, с любопытством ощупывая толстую, но податливую кожу.

— О, я не знаю! Почему ты все время задаешь вопросы!? — чуть ли не истерически воскликнула Ванесса, но, увидев, как вытянулось от удивления его лицо, добавила уже гораздо спокойнее: — Наверное, это просто ремень. Мэри нашла его за шкафом.

— Вообще-то, это весьма странная вещь, потому что его конец раздвоен и на нем нет пряжки... Отнесу-ка я его вниз, если ты не против.

Произнеся это, Реджи даже чуть растерялся, не зная, как объяснить столь необычное поведение сестры. Он попытался поднять его в тот самый момент, когда Ванесса повернулась, чтобы тоже дотянуться до него, в результате чего одна обнаженная и тяжелая грудь шелковисто коснулась его руки, уткнувшись в нее своим соском.

— О, Реджи! — выдохнула Ванесса в сильном смятении, и он поспешно, хотя и с сожалением, отдернул руку.

— Э... Прости! — запнулся молодой человек, — Я... э-э... то есть я посмотрю, заварен ли чай, а потом... э-э... ну да...

Бормоча что-то себе под нос и не скрывая яркого румянца на щеках, Реджи удалился, оставив после себя тауз, который Ванесса быстро спрятала под подушку под своей головой. Благодарная брату за то, что он не заметил отсутствия второй подушки, она вытащила ее из-под своих очень горячих и влажных бедер и со вздохом откинулась назад, чуть поерзывая попкой на простыне, словно припоминая подробности самого удивительного дня в своей жизни.

Тем временем Реджи неторопливо прошел на кухню, где Мэри как раз снимала с плиты чайник. Пикантность всей ситуации была в том, что его член снова окреп, и он задавался

вопросом, заметит ли девчонка это обстоятельство. «У нее такая прекрасная молодая попка», — говорил он себе, вспоминая, что на протяжении сегодняшнего дня он успел увидеть и оценить немало подобных, хотя и затянутых в школьную форму, девичьих прелестей.

— Забавный ремешок ты нашла, Мэри, — произнес он, пока она наливала в чайник горячую воду.

— Я, сэр? Но я ничего не находила.

— Ну, тот самый, с раздвоенным концом, который ты нашла за шкафом, — терпеливо объяснял Реджи.

— Да нет, сэр, Честное слово, клянусь честью и пусть я провалюсь сквозь землю — я ничего не находила, совсем ничего, — оправдывалась Мэри с видом человека, обвиняемого в тяжком преступлении.

— Вот как? Ну что ж, тогда мне ужасно жаль... Должно быть, я неправильно понял, — пробормотал тот, смущенный еще больше.

— Э... Я думаю, если это не хозяйка, то его нашел или оставил викарий, или что-то в этом роде, — с сияющей невинностью предположила Мэри, и Реджи чуть не разинул рот от удивления, потому что не мог себе представить, что сей преподобный джентльмен мог бы проделывать с подобной вещью. Здесь явно происходило что-то странное, что-то такое, чего он никак не мог пока понять, но похоже, что его недоумение длилось недолго. Лишь когда он допивал свой чай, далекое воспоминание из его детства озарило его.

Ему тогда было около двенадцати лет, и он жил с Ванессой в доме их дяди Фредерика. Однажды, забежав на секунду в дом из сада, чтобы налить себе стакан воды, Реджи услышал шлепки и визги, доносившиеся из гостиной. Как раз в этот момент, когда он на цыпочках подошел к двери, чтобы посмотреть, что там происходит, из той же самой комнаты вышла с невозмутимым лицом его тетушка, а позади нее он мельком — лишь на короткое мгновение — увидел одну из служанок, склонившуюся над столом. Ее юбка была задрана до бедер, а его дядя, стоявший чуть позади и сбоку от нее, неумолимо охаживал ее голый задок... «Да! Точно! Клянусь Юпитером, тот ремень выглядел точно так же, как и этот, что лежал на кровати Ванессы!» — заключил он.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://erolate.com/book/1132/29392>